

БАШИРОВ АЛЕКСАНДР

Снять фильм – не проблема. Вопрос: зачем?

Он ни на кого не похож, подражать ему бесполезно. Башировские чудики и фрики прочно заняли свою нишу в отечественном кино последних лет. Его снимают Сергей Соловьев, Алексей Герман и Кира Муратова, его новым проектом заинтересовался Ларс фон Триер. В студии “Дебошир-Фильм” студенты мастерской БАШИРОВА занимаются без конспектов.

Долгая дорога к ВГИКу

– Ты действительно родился где-то в глухой деревне?

– Ну не знаю, насколько она глухая. Нормальная такая деревня на севере Тюменской области. Там поблизости, в Березове, Меншиков в ссылке был... Троцкий один день в наших краях провел – правда, немного выше по Оби...

– А родители...

– Мама на почте работала радисткой, отец непонятно чем занимался... Они давно разошлись...

– Как ты оказался во ВГИКе?

– Вообще-то я учился в разных местах – в том числе и в ПТУ в Ленинграде. Потом мотался по разным стройкам. В какой-то момент, когда нужна была прописка, я вернулся в Сибирь. Тетка мне помогла: я поступил в Тюменский университет на факультет русского языка и литературы – заочно. Правда, не окончил его.

– Насчет пролетарской закваски поподробней...

– Помню только, что два раза продал облицовочную плитку какой-то тетке. Это ж было время такое – максимум 120 рублей зарплата, а в перспективе – добиться комнаты в хрущобе.

– И тогда ты решил перебраться в Москву?

– Такой идеи не было – я просто поступил во ВГИК на режиссуру к Игорю Таланкину. Но ушел от него потом.

– Почему?

– Начались творческие разногласия. Это нормально.

Глая правда

– Правда, что ты вышел в учебном спектакле в роли Мефистофеля в косюме Адама?

– Правда, правда. Это была идея режиссера – одной студентки-шведки – она сейчас, кстати, известная писательница в Швеции. По ее замыслу, Мефистофель обнаженный должен быть. Так что пришлось дисциплинированно согласиться. А Бахтик (Бахтиер Худойназаров. – Н.Б.) играл как раз Фауста. Мы его не предупредили. И у него, как и у наших педагогов, челюсть отвалилась. Это был этюд на реакцию. Получился скандал, но так как это был спектакль раскрепощенной шведки, то все как-то замляло...

– Крестным отцом для тебя стал Сергей Соловьев – “Чужая Белая и Рябой”?

– В кино? Да, на первом курсе он меня пригласил.

– Как нашел?

– У него во ВГИКе была параллельная казахская мастерская. Все мы ездили на картошку и вместе делали актерские этюды. Он увидел меня на этюде. Я ему понравился, и он пригласил меня к себе на “Чужую Белую”.

Осторожно, “ЖПО”!

– А затем ты снял свою знаменитую “Железную пилу олигархии” – “ЖПО”, сокращенно по-дебосири-ски... Признаюсь, этот фильм мне сразу же безумно понравился...

– Спасибо. И мне он нравится.

– Догадываюсь. Впервые, наверное, с момента перестройки мы не обличаем зло, ужасаясь, а смеемся над ним. Причем по-доброму. Сочувствуя горемыкам-пролетариям и в то же время посмеиваясь – в стиле незабвенного Сергея Курехина, как-то обнаружившего, что Ленин был грибом. Правда, не ядовитым. Наверное, так и нужно расставаться с эпохой – влекую...

– Юмор – это показатель личности. На самом деле тогда, когда делался фильм, слово “олигарх” не было актуально. Оно потом появилось.

– Но как все-таки возникла идея “ЖПО”?

– На самом деле это была просто демонстрация мастерства и возможностей студии. В картине в основном были заняты студенты и мои друзья. Поэтому это была просто часть учебного процесса. С композитором Женей Федоровым мы придумали такую как бы эстетику при минимальном бюджете в двадцать пять тысяч. Я сказал: давай возьмем Джека Лондона. “Железную пилу”, которая пафосно обличает “мир чистогана и наживы”. Сначала на самом деле мы хотели сделать типичный боевик с большими массовками.

– Денег не хватило?

– Денег было ровно столько, на сколько мы могли снять. Причем работали без сценария – были какие-то наброски сцен. Все так революционно. Три дня подготовки – и мотор!

Патриотическая комедия

– Давай уточним. Ты, случаем, в душе не коммунист?

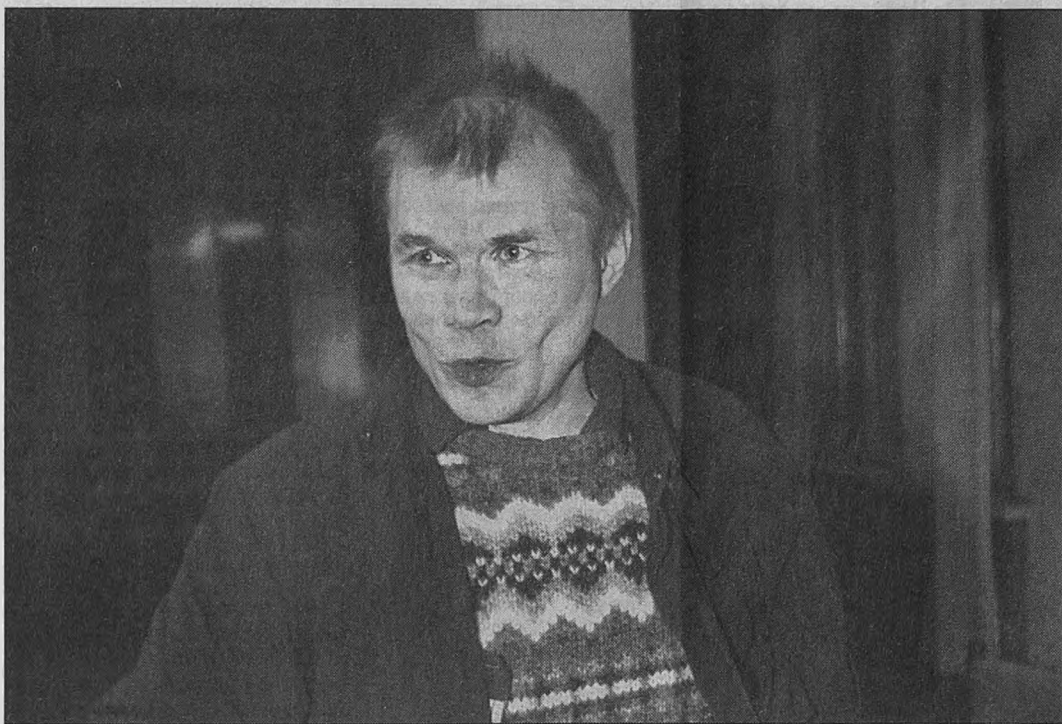
– Каждый нормальный человек, родившийся в Советском Союзе, – кроме, может быть, диссидентов и либералов, активных любителей обогатиться, – существует в классической системе христианских ценностей. И коммунизм сам по себе такая же утопия, но романтическая. Это – определенное желание социальной гармонии. Но это невозможно, это утопия. Сама по себе коммунистическая идея – из XIX века. Ныне она не актуальна. Она рухнула. Сейчас другие проблемы – глобализм, терроризм, угроза всемирной катастрофы и так далее. И до нее уже никому нет дела.

– И поэтому ты сделал документальный “Белград, Белград”?

– Вот это и есть мой ответ на американский и транснациональный глобализм. Фильм о том, что духовная жизнь человека определяется все-таки его мечтами. Если рушатся мечты – определено происходит катастрофа. И этому необходимо художественное осмысление.

– А что подстегнуло к поездке в пасты к зверю?

– Просто случилась оказия в это время – поэтому быстро, в течение недели, мы организовали югославскую группу в Белграде и получили все разрешения на съемки. Особенного пафоса не гнали. Сама по себе ситуация была пафосная – в центре Европы происходит война – дико и неестественно. Пасха – и бомбежка, пустые эстакады, цветущие вишне-

А. Баширов

вые сады. Словом, разоренный рай на земле.

– Фильм получился концептуально антиамериканским?

– Там по этому поводу вообще ничего не сказано. Картина о том, как люди живут в таких условиях. Как люди прячут страх. Как выпивают с друзьями. Как играют в себя и в собственные представления о себе.

Характер – нордический

– Насколько я знаю, к тебе особенно трепетно относятся всякие финны-датчане, словом, скандинавы. Как ты думаешь, чем это вызвано?

– Ну... я для них олицетворяю как бы все лучшее, позитивное, прекрасное, что ассоциируется в представлении человечества с конкретным русским характером. Ха-ха.

– И следовательно – не поступало ли предложения поработать вместе с викингами?

– Было дело. Например, “Белград, Белград” сделан на финские деньги. Со стороны Дании – Ларс фон Триер заинтересовался “ЖПО”, фильм ему очень понравился. Он прочитал сценарий моего нового проекта “Любовь не продается” и решил его финансировать – хочет распространить сертификат “Догмы” и на Россию. Этим летом или осенью, думаю, начнем снимать. Тьфу-тьфу.

– Помимо этого, за тобой табунами носятся студенты... Так как-то странно преподаешь... без столов и конспектов...

– Даже без монтажа – у меня свой метод. Ребята и пленку покупают сами, и камеру арендуют – я только советую. Но это отдельная история.

Красота по-американски

– Теперь засунем свой длинный нос в чужой вопрос. Кое-кто из общности считает, что ты женился в первый раз по расчету, чтобы уехать в Америку...

– Как уехать? Навсегда? Ну съездил. И не раз. Каждый год по три-че-

тыре раза ездил и возвращался. Я даже принимал роды у жены – она была студенткой ВГИКа. Потом вернулись сюда с ребенком, здесь продолжал обучение, еще три года вместе жили. На пятом курсе летом делать было нечего – осели там, учился в “Берхоф-студии”. А затем снова вернулся на родину.

– Чем отличается эта школа от вгиковской?

– На Западе система Станиславского называется “натуральной школой”. Наши актеры входят в образ, “вытаскивая” собственное нутро, чтобы оживить персонаж. А у них, наоборот, это имитация чувств, эмоций, это система представления. Мне было интересно посмотреть, как они учат этому.

– А на деле чем пользуешься?

– Чем придется. Когда нужен молоток – беру молоток. Когда нужны гвозди – то гвозди. Шу-у. А серьезно – важно начало. То, к чему прикасаешься смолоту. Азы школы. Потому что переучиваться вообще-то невозможно. А в принципе это все неприципиально. Нельзя сказать, что лучше, а что хуже. Результат зависит не от процесса, а от личности.

– Не жалеешь, что вернулся?

– Нет. Понимаешь, для того, чтобы начать карьеру в другой цивилизации, культуре, нужно совершить определенный акт самоубийства: опять пройти детство, юность, первый поцелуй. Все, как положено. Начать все по новой. Набрать опыта, чтобы твоя биомасса вибрировала в соответствии с другой страной. Естественно, надо взять другое имя, фамилию...

– Ты не решился на это?

– А зачем? Мое имя от Бога, и надо эту свою жизнь здесь прожить.

Творческий оргазм

– Почему ты согласился сыграть в “Смесителе” у Шейна – дебютной и весьма противоречивой картины?

– Саша Шейн пригласил на свою дипломную работу. Мы бесплатно участвовали. Потом это развилось в большой фильм. Пошли досъемки. Конечно, на самом деле там ничего

сложного художественного или актерского для меня не существовало... С Максаковой играть – одно удовольствие.

– Да уж! Там ты себя позиционируешь как соседа-дегенерата, разом превращающегося в сексуального монстра... И потом эта странная, тревожащая фраза в одном из твоих интервью, что ты запросто “подсаживаешь на оргазм” знакомых...

– Да уж, напугал я людей. А это лишь гипербола. Мысль о том, что творческий импульс доставляет нам такое же физическое удовольствие, что и плотские утехы. Большинство людей об этом не догадываются. А зря. Я даю своим студентам, например, драматургическое упражнение – написать новеллу или эпизод, где присутствует личный сексуальный опыт. Этот опыт у всех разный, у многих, может быть, его нет. Но меня он интересует как импульс.

Русские всегда в авангарде

– Тебе нравится быть “плохим”?

– Ну это такое мелкое художественное хулиганство, которое не дает скучать.

– Ты культивируешь в себе дебоширство?

– А с чем еще может рифмоваться моя фамилия? К тому же я классик. Для меня авангардизм – это классика. Экстремизм происходит от самого исторического и географического напряжения, которое является частью русской культуры.

– Ты себя органично в этом чувstvешь?

– Да. Все искусство XX века создано русскими авангардистами – и ничего лучше этого не придумано в мире до сего дня.

– А как относятся к твоему творчеству педагоги и однокурсники?

– А я еще не окончил институт на самом деле... Но мне кажется, всем нравится. Ректору ВГИКа – тоже. А вообще-то светская жизнь необязательна для художника.

– Ты выпадаешь из нее?
– Не мне судить...

Кино, вино и домино

– Вот и в “Даун Хаусе” ты сыграл мерзкого Фердыщенко. Поплумился-потоптался вместе с Фейей Бондарчуком над Достоевским. Тебе-то самому нравится эта картина?

– Не знаю. Мне вообще-то нравятся другие фильмы – классические. Их-то я и приглашаю на свой фестиваль “Чистые грезы” – Дзига Вертов, Эйзенштейн, Бодар... А “Даун Хаус” – это, по-моему, все-таки коммерческое кино...

А вообще, это не проблема – снять фильм. Вопрос: зачем? У всех на это различные причины: коммерция, амбиции или вообще что-то “левое”. Я своим студентам объясняю: самое интересное для других людей – это вы, ваш собственный уникальный и самобытный опыт, о котором только вы лично можете рассказать по-настоящему. Все остальное – это то кино, которое может снять группа.

– Кто в Питере твои единомышленники? Митьки?

– Даже мыслей таких нет – чтобы делить себя.

– Скромно, но честно. Чем все-таки занимается твоя студия помимо педагогического дебоширства?

– Рутинка. Фестивали, какие-то проекты, фильмы, сериалы на мне висят... Различные семинары... Чего только нет...

– Например, алкоголя?

– В меру. Размеров печени.

– А печень все меньше и меньше?

– Наоборот, все больше и больше... А алкоголя все меньше. Такая вот обратная зависимость.

– Любимый напиток...

– Чай с лимоном.

– А на банкете?

– Водка. А вообще все зависит от настроения.

– Это для тебя сейчас не проблема?

– Для меня вообще это никогда не было проблемой. Потому что невозможно работать, если ночь пьешь, а потом три дня лежишь... Вся жизнь у меня так было. Самое главное – нужно уметь пить на чужие. А то утром лежишь и думаешь – и ЭТО на свои деньги? А на чужие – сколько угодно.

– И часто попадаютсся меценаты?

– Да вот выходишь на улицу – и тут же получаешь предложение выпить и закутить. Приходится отбиваться.

– Правда, что ты до сих пор живешь в коммуналке?

– Нет, уже лет десять не так. Я живу в центре Санкт-Петербурга, в прекрасной огромной квартире со свежим ремонтом... Но пусть будет такая легенда. Пусть люди думают что хотят, это их сказки.

– А как ты воспитываешь дочку? Есть метода?

– Нет никакой системы. Я не принимаю никакого участия в воспитании ребенка. Меня самого надо воспитывать. Мы с ней просто играем в разные игры. Во все, что взбредет в голову. Читаем сказки. Все как бы не всерьез...

Беседу вела
Наталья БОБРОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ